

Сказка про перстень о двенадцати винтах

Жил-был себе в одном селе сын с матерью, а мать была у него старая-престарая старуха, и звали этого сына Иван-дурак. Жили они в убогой избенке об одном оконце и в великой бедности: такая бедность была, что окромя хлеба черствого, почитай, и не едали ничего, а иной раз и того еще не было. Мать сидит, пряжу прядет, а Иван-дурак на печи сидит, в золе копается да знай сопит себе. Вот только мать и говорит ему: "Что ты, Иванушка, сидишь да сопишь себе на печи-то в золе? Шел бы ты куда, к корчме, что ли; авось-либо добрый человек какой попался, взял бы тебя к себе в батраки - все хоть какой-нибудь кусок хлеба был! А дома-то кормиться нам нечем". - "Ну, ладно, я пойду!" - говорит дурак; взял и пошел себе к корчме. Навстречу ему человек попадает: "Куда идешь, Иван-дурак?" - "В службу иду наниматься". - "Ступай ко мне служить: вот тебе столько-то я жалованья положу и все прочее". Согласился Иван, пошел к нему в службу. А у того человека сука была, и оценилася эта сука; Иванушке очень уж понравился один щенок, и выходил он этого щенка. Проходит год, пора и к расчету за службу. Дает хозяин Ивану деньги, благодарит его, а Иван и говорит ему: "Не надо мне ваших денег, а дайте вы мне лучше того щеночка, что я у вас выходил". Тот и рад, что денег-то платить не надобно, отдал ему щенка.

Пришел Иван домой; мать как узнала, давай на него плакаться: "Все люди, как люди, один ты у меня дурак! И то есть было нечего, а теперь еще одна лишняя душа - чем кормить собаку-то будем?" Иван-дурак ничего себе не отвечает, сидит себе на печи, сам сопит да знай только в золе копается; и собачка его с ним. Проходит мало ли, много ли времени, опять мать говорит ему: "Что сидишь-то без толку? Шел бы к корчме, авось-либо добрый человек какой попался, взял бы тебя в батраки". - "Ну, ладно, я пойду!" - говорит дурак, взял собачку свою и пошел. Навстречу другой хозяин ему: "Куда идешь, Иван-дурак?" - "В службу, - говорит, - наниматься". - "Ступай ко мне служить!" - "Ладно!" Договорились они, и пошел дурак опять в батраки. А у хозяина у этого кошка была; вот она и окотилась. Полюбился дураку один котеночек, он и выходил его. Приходит время к расчету. Иван-дурак и говорит хозяину: "Не надо мне ваших денег, а отдайте мне того котеночка". - "Изволь!" - говорит. Вот пришел дурак домой, мать еще пуще того стала плакаться: "Все-то люди, как люди, один ты у меня дурак уродился! И то есть было нечего, а теперь еще две лишние души кормить надобно".

Горько стало Ивану слушать это, взял он свою собачку да кошечку и пошел себе в поле. Видит посеред поля костер горит и большущий костер такой - пребольшущий! Как подходит он ближе к этому самому костру, видит: в нем змея корчится и горит на каленых углях. Сама горит, а сама кричит ему человеческим голосом: "Эй, Иван-дурак, спаси ты меня! Я тебе большой выкуп дам за свою душу". Взял Иван палицу и палицей той выкинул змею из костра. Как выкинул он ее, глядит - а перед ним не змея, а красная девица стоит и сама говорит ему: "Ну, спасибо тебе, Иванушка! Сослужил ты мне великую службу, сослужу я тебе еще и больше того! Пойдем, - говорит, - к моей матери; будет она тебе давать медные деньги - ты не бери, потому это уголье, а не деньги; будет давать серебряные - также не бери, то будут щепки, а не серебро; будет выносить тебе золото - и того не бери, потому что вместо золота там будет черепье да кирпич; а проси ты у нее в награду перстень о двенадцати винтах: тяжело ей будет отдать, иначе ты не сумлевайся, потому что она за меня отдаст его". Вот все так и случилось. Хоть и важно озлилась старуха, только отдала ему перстень.

Вот идет Иван полем и думает себе: "Что же я теперь с этим перстнем буду делать?" Только глядит, догоняет его эта самая дочка и говорит: "Ты, Иван, чего ни пожелаешь только, - все это тебе будет; стань ты только вечером "а пороге, отвинти все двенадцать винтов - и явятся перед тобою двенадцать тысяч человек, что захочешь, то им и приказывай, - все тебе будет исполнено!" Пришел Иван домой, ничего не сказал матери, а сам сел себе на печь, сопит да в золе копается. Вот пришел вечер, легли они спать; Иван выждал время, выходит на порог, отвинтил в перстне все двенадцать винтов - и явились перед ним двенадцать тысяч человек: "Ты - наш господин, мы - твои люди; приказывай нам, чего душа пожелает!" И говорит им Иван: "Сделайте вы мне, чтобы на этом самом месте стоял дворец, какого и в свете нет, и чтобы я спал на золотой кровати, на лебяжьей перине, и мать моя то же само, и чтобы кучера, и фореиторы, и лакеи, и всякие сильные и важные люди

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
ходили бы у меня по двору и служили бы мне". - "Ложись себе с богом, - говорят ему люди, - все будет по слову твоему исполнено".

Просыпается Иван-дурак наутро и даже сам испугался; смотрит: спит он на золотой кровати, на лебяжьей перине, и стоят тут высокие хоромы и такие богатые, что даже и у царя-то ихнего нет таких, а по двору ходят кучера, и фореиторы, и лакеи, и всякие сильные и важные люди и служат ему. Подивился дурак, думает: "Ладно!" Глянул в зеркало - самого-то себя не узнать: стал таким красавцем, что ни пером описать, ни в сказке сказать; как след (следует), по хоромам и господин! Вот только просыпается тем часом и царь (а в том месте царь ихний жил), смотрит он: стоят супротив его дворца высокие хоромы, и стоят они - сами словно жар горят золотом. Посылает царь проведать: "Чьи такие? И пускай, мол, ко мне приедет показать себя, каков он такой есть". Докладывают Ивану. "А сказать ему, - говорит, - что Ивана-царевича хоромы; а коли хочет видеть меня, так не велик господин, пускай сам приедет!" Нечего делать, поехал царь к Ивану-дураку; познакомились они, и опосля этого поехал и Иван-дурак к царю-то. А у царя распрекрасная дочка-королевишна была. И она, эта дочка, угощения Ивану подносила, и тут больно уж полюбила ему. Стал просить царя, чтобы замуж за него отдать.

Вот теперь и царю в свой черед тоже поломаться захотелось: "Отдать-то, - говорит, - отчего и не отдать; только ты, Иван-царевич, сослужи мне прежде того службу. Дочь моя роду не простого, и потому венчаться ей надо как ни на есть лучше во всем народе. Сделай ты мне, чтоб от твоего дворца до моего дворца золотая дорога легла; а через реку чтобы был у меня мост, да не простой, а такой, чтобы одна сторона была золотая полоса, а другая сторона - серебряная полоса, и на реке чтобы плавали всякие птицы редкие, гуси и лебеди; а по ту сторону реки "пускай церковь стоит, да не простая, а вся восковая, и вокруг нее пускай зацветают восковые яблони и спелые яблоки родят. Коли ты мне, - говорит, - сделаешь все это, быть дочери за тобою, а не сделаешь - на себя пеняй!" Думает царь, что ну вот теперь уже вволю насмеялся над Иваном, а Иван и в ус себе не дует. "Ладно, - говорит, - извольте; готовьте к завтраму свадьбу!" С тем и уехал.

Вечером, как все спать улеглись, стал он на пороге, отвинтил в перстне все двенадцать винтов - встали перед ним двенадцать тысяч человек: "Ты - наш господин, мы - твои люди; приказывай нам, чего душа пожелает!" - "Так и так, - говорит, - нужно мне то-то и то-то". - "Ладно, - говорят, - ложись себе с богом". Просыпается царь наутро, подходит к окну, а глаза ему так и ослепило - ажно отскочил на три сажени: это, значит, мост-то, одна полоса серебряная, другая золотая, так и горит и светится; на реке гуси и лебеди и всякая птица редкая, а на том берегу церковь белая восковая, и вокруг церкви яблони стоят, только без листьев, голые прутья торчат. "Ну, - думает царь, - дело-то неладное, надо снаряжать дочку к венцу". Снарядили и поехали. Выехали из дому, а на яблоньках почки проросли; едут по мосту, а яблоньки листвою одеваются; подъезжают к церкви, а на яблоньках белые цветочки распускаются; как только что время выходить им от венца, а тут встречают их слуги и всякие люди и на золотом блюде подают спелые яблоки. Так они и стали свадьбу справлять и пиры да балы задавать, и был там пир у них три дня и три ночи.

После того мало ли, много ли времени прошло, стала королевишна приставать к Ивану: "Скажи ты мне, супруг мой любезный, как ты все это делаешь, что и мост в одну ночь строишь и церковь восковую ставишь?" Иван-дурак долго не хотел говорить ей; иначе так как уж очень ее любил и очень она у него просила, так он и сказал ей, что у меня-де перстень о двенадцати винтах и так-то вот надо обходиться с ним. Ну, вот так и живут они; только на беду полюбился королевишне один лакей ихний, из себя видный, здоровый и красивый такой; она с ним и сговорила, чтобы обокрасть мужа своего и перстень у него унести, а самим уйти бы жить за море. Вот только как пришел вечер, вынула она потихоньку перстень, стала на пороге, отвинтила все двенадцать винтов - и явились перед нею двенадцать тысяч человек: "Ты - наша госпожа, мы - твои люди; приказывай нам, чего душа пожелает!" Она говорит им: "Возьмите вы этот дворец и как есть со всем перенесите его за море, а на сем месте пускай станет прежняя избушка с моим муженьком Иваном-дураком". - "Ложись себе с богом, - говорят ей люди, - все будет по слову твоему исполнено".

Наутро Иван просыпается - смотрит: лежит он на рогожке, дырявым зипуном покрыт, а хором и следа нет. Горько заплакался он и пошел к царю, своему тестюшке, приходит во двор, просит доложить, что пришел-де зять. Тот как увидал его: "Ах, ты, такой-сякой, беспорточный! Какой ты

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

мне зять? У меня зятя в золотых хоромах живут, в серебряных каретах катаются. Взять его и замуровать в каменный столб!" Сказано - сделано: взяли и замуровали Ивана в каменный столб; а собачка с кошечкой от него не отстают, тут же сидят вместе с ним, и прорыли они себе лазейку и через нее поесть ему пищу приносят.

Только вот раз и вздумали они себе: "Что ж это мы с тобою, собачка, сидим здесь сложа руки! Сбегаем-ка мы за море да достанем перстень". Как надумали они себе это, так и сделали. Переплыли через море, видят: стоит ихний терем, и королевишна с тем лакеем по саду гуляет, мужа своего судачит. "Ну, собачка, пообожди ты пока здесь, а я проберуся в терем да кольцо достану", - говорит кошечка и пошла себе. "Мяу-мяу!" - под дверью. Услыхала королевишна: "А, это кошка того мерзавца, - говорит, - впустите да накормите ее!" Вот ее впустили и накормили, а она все ходит по комнатам да высматривает перстня, только и видит, стоит печка, а на печке стеклянная банка, а в байке той перстень. Обрадовалась кошечка. "Ну, - думает, - слава богу! Теперь только бы дожидаться ночи, а там достану перстень - и домой". Только как все улеглись, она вскочила на печку и свалила оттуда банку, банка упала и разбилась, а кошечка подхватила перстень в рот и притаилась под дверью. В доме все проснулись, сама королевишна встала; увидела, что банка-то разбита. "Ах, - говорит, - это, верно, кошка того мерзавца разбила; выгнать ее вон!" Выгнали кошечку вон, а она и рада, бежит к собачке: "Ну, брат собачка, достала перстень! Теперь только поскорей бы домой".

И поплыли они через море; плывут, плывут себе, долго плывут. Коли устанет собачка - сядет она на кошечку, а коли кошечка устанет - сядет на собачку; так они и обходятся. Уж недалеко и до берега им осталось, только собачка стала изнемогать; кошечка видит это и говорит ей: "Садись ты на меня, ты уж устала!" Как сказала она это, а перстень-то изо рта у ней бултых в воду! Что тут делать? Доплыли до берегу, ходят себе да слезно плачут, а сами уж тем часом и проголодались. Собачка бежит по полю, ловит птичек-воробышков, и кошечка ходит по берегу, ловит мелкую рыбицу, которую волной выбивает; тем они и кормятся. Только вдруг кошечка и кричит: "Ой ты, собачка, ступай скорее ко мне! Я-то ведь перстень нашла! Поймала рыбку, стала ее есть, а в рыбке-то и был этот перстень". Ну, вот обрадовались они сильно, побежали к Ивану и принесли ему перстень.

Иван дождался вечера, отвинтил все двенадцать винтов и явились перед ним двенадцать тысяч человек: "Ты - наш господин, мы - твои люди; приказывай там, чего душа пожелает!" - "Разнесите, - говорит, - сейчас же этот каменный столб, чтобы и праху от него не осталось, а из-за моря перенесите мои хоромы со всеми, кто там есть и как кто там спит, и поставьте их на прежнее место!" Тотчас же все так и случилось. Наутро едет Иван к своему тестю-царю. Тот его встречает, на первое место сажает: "Где, любезный зятюшка, побывать изволил?" - "Я, - говорит Иван, - был за морем". - "То-то, - говорит, - за морем! Видно, по спешному делу, что к тестю и проститься даже не заехал... А тут без тебя приходит ко мне какой-то голоштанник и называется моим зятем; я его приказал в каменный столб замуровать, там он, - говорит, - и сгинул, верно! Ну, а ты, любезный зятюшка, где побывать изволил, какие виды видывал?" - "А видывал я, - говорит, - разные виды; за морем одно такое дело было, что никто не знает, как и рассудить". - "Какое ж такое это дело?" - "А вот какое! И коли ты теперича умный человек, так вот и рассуди по своей царской мудрости: была у мужа жена, от живого мужа завела себе душеньку, обокрала с этим душенькой мужа-то и ушла было с ним за море, а теперь спит с ним на одной кровати. Что по-твоему надо сделать с такою женой?" - "По своей царской мудрости я, - говорит, - скажу такое слово: взять их обоих, привязать к конским хвостам и пустить в чистое поле: тут им и казнь!" - "Ну коли так, так ладно же! - говорит Иван. - Поедем ко мне в гости, я тебе покажу другие виды и другое диво". Поехали они, входят в спальню: а там королевишна, обнявшись с тем лакеем, спит на золотой кровати, на лебяжьей перине, и знать ничего не знает. Ну, уж тут нечего делать - по царскому слову взяли привязали их к конским хвостам и пустили жеребцов в чистое поле: тут им и казнь была! А Иван опосле женился на той красной девице-раскрасавице, которую он из огня спас, и стали они жить да поживать да добра наживать.